

ГАЛИНА ЩЕКИНА

Пополудни

Галина Щекина

Пополудни. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24916415

ISBN 9785448545191

Аннотация

Пополудни – вторая половина дня – вторая половина жизни. Созерцания и воспоминания. Люди и цветы. Эта книга лирики полна размышлений, ощущения счастья.

Содержание

Часть 1. Вспомни	5
Девочка, мартовский блик	5
Музыка была упруго-щедрой	7
Во глуби комнат затемненных	8
Воронежский вальс	10
Юной матери	11
Самая красивая	13
Голубь на окне	14
Молчание цветов	15
Цветы, засыпанные снегом	16
Строки в глуши	17
Из чужого сада	18
Хочу тюльпанов здесь	20
Чудная, чуждая	21
Однажды в июне	23
Несчетно гремел в небесах	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пополудни Книга стихов

Галина Щекина

© Галина Щекина, 2017

ISBN 978-5-4485-4519-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Вспомни

Девочка, мартовский блик

Девочка, мартовский блик,
смугло-прозрачная кожа,
так на испанку похожа,
так и мерцает вдали
глаз ее карих тепло,
пухлые губы мулатки,
голос чуть хриплый и сладкий.
Нет, ничего не ушло.
Каторги школьной божок,
вечно пятерки в порфеле
кто в этом худеньком теле
факел огромный зажег?
И улетел в небеса-
фартук воздушный и банты-
в землю уходят таланты,
где прорасти им нельзя.
Фото со школьной доски,
место похвал и почета
все воровали без счета:
лоб и волос завитки.
Это теперь не украсть —

вспышка на мраморе белом.

Девочка, Гаврошем смелым —

детства жестокого власть.

Музыка была упруго-щедрой

Музыка была упруго-щедрой,
головы насмешливо пьянила,
а стекло в окне тряслось от ветра,
прилетевшего с истоков Нила.

И стучали по доске указкой
ставили нарочно у порога —
за свистящий шепот и подсказку
нас обоих выгнали с урока.

Мы вдвоем качались на качелях,
трогали в музее письма с фронта,
мы куда-то шли без всякой цели,
и горел закат у горизонта.

У него отец работал в Индии,
После – на плотине в Асуане,
До того магнитофон у нас не видели,
и с ума сошли от «мани-мани».

Мой отец был дома тоже редко
по велению совести и партии, и
ему не донесла разведка
как играл магнитофон под партой.

Во глуби комнат затемненных

Во глуби комнат затемненных
внезапно отключают сеть.

Там сном причудливым сраженный
Аменхотеп молчит и Сет.

Скользнет по лаковой обложке
Неверный и летучий свет —

Замри, побудь еще немножко —

Заманчивее жизни нет,

Чем та, что мы вообразили,

Чем та, которая во сне.

Восток в его могучей силе,

Реален в призрачной весне.

В глазах вставляли пирамиды,

Гудел пустынный суховей,

И боги, равные Изиде,

Смешали вина всех кровей

.Теперь, застенчивый мальчишка,

Зачем грустить и горевать?

Египет затянулся слишком,

Покинь же твердую кровать,

Которую как заточенье

Борясь с отчаяньем, избрал.

Теряет многое значенье —

Ты на свободе, генерал.

И в нашей эре так же плохо,

Задразнит и обманет жизнь.

Шагни на музыку и грохот,

На смех девичий обернись.

Воронежский вальс

Года учебы шелестят,
как весь просторный и нарядный
на спуске наш Петровский сад —
волнение как жизнь назад —
Не можешь вспомнить? Ладно!

Трамвайчик поздний загремит
к мосту со стороны Динамо —
надеждой полон и людьми,
проси, что хочешь и возьми,
ведь счастье – тоже драма.

Вихрились волны на реке,
накрапывали капли,
танкетки вон на каблуке,
зачетка с «хорами» в руке...
Нам шашлыки, не так ли?

И сквозь трамвайное стекло
влюбленно мы на мир смотрели.
В вагоне красном так тепло
и нам друг с другом повезло.
Не помнишь... Неужели?

Юной матери

Не понимала деревенских —
Пьянь и грязь.
Стране все было мало.
В домишке не шумели кран и газ,
Сарай без сеновала.
Тяжелый узел антрацитовых волос,
И шляпа, синяя таблетка.
А тополь у калитки рос и рос
Согласно пятилеткам.
И на заре, когда так сладок сон,
Бежала к трактористам
перемерять весь перегон,
а как вспахали – глубоко ли, чисто?
Качала зыбку и блины пекла
Девчонка, в общем, городская,
Любила чистоту окна, стекла,
Которое в лучах сверкает.
Молчи, не знавшая небес,
вслед самолетам замирала,
Вверх не пустили и теперь ты здесь,
гордячка, и довольствуешься малым.
На синем ярко-красные цветы,
вокруг колен оборки,
ее нерусской красоты
опущенные шторы.

Самая красивая

Да я знала – самая красивая
Мама, пусть нарядов и не лишка,
Только платье длинно-темно-синее
С белой и узорчатой манишкой.
А в гостях, наряд расправив пальцами,
Под пластинку с Сопками Маньчжурии
Бабочкой она летала вальсовой,
Упоенно и по детски жмурилась.
Потому я куколку бумажную
Ножницами долго вырезала
Черненькая, тоненькая, важная
Королева посредине зала.
Я ее запомню не в халате,
Не слезах в потертом полушубке.
Я ей нарисую много платьев
Обниму усталую голубку.

Голубь на окне

Голубчик, почему ты здесь,
смотри – карниз оконный узкий —
искать от снега ли навес?
А может быть, душою русский,
посланцем неба ты слетел,
любимых мне напоминая,
прозрачно-дымчатых, без тел —
где жизнь души совсем иная?
Купца в нахохленной дохе
изображаешь непритворно:
грустишь, сударыня, кхе-кхе?
Да искрою глазок на черном.
Должно быть ясно и слепым —
не видя, видишь рядом милых.
Поклюй же ангел мой, крупы —
прибудет для полета силы.

Молчание цветов

Никогда столько не было их у меня —
Просто ливень и пламень чужого участия.
Головами кивали, улыбками тайно дразня...
И душа замирала от зыбкого счастья.
Моментального блеска свидетели, сна,
Протяженного в шуме и стуке.
Лишь молчали они, как молчала весна,
Натянув тетиву на разлучные луки!
И летя за плечом через душную тьму,
Застывая в воде ледяной по колено,
Точно знали они, что уже никому
Не нужна красота их нетленная.
Двадцать талий и темных атласных корон:
От вишнево-закатной до златорассветной,
Поцелуев несбывшихся стон и урон,
Угасали, слабея, объятия-ветви.
И пока я спала, мне поправили плед,
Будто царственной редкой персоне,
Только шепот остался, что времени нет
Лишь кивая, прощаться спросонья.

Цветы, засыпанные снегом

Цветы, засыпанные снегом —
Не говорите что зима —
Такая гибельная нега,
Об этом целые тома...
О том, как хрупки хризантемы
Сиреневые по краям,
Пусть они, качаясь немо
Прильнут — дрожит рука моя.
Ведь в этой робости подарка
поранит грустная струна —
Цветы как выпитая чарка,
пьяна и временна она.

Не надо лишних обещаний,
За вас цветы глядят в глаза.
Не время думать о прощании,
Не целовать цветы нельзя.

Строки в глуши

Друг мой приносит вирши из леса,
там, где беззлобно стрекочут сороки,
там где крадется лесная прицесса
молча в глуши распускааются строки.

Личный мой лес – огородные гряды,
там, где георгины срослись с лебедою,
колкость осота с пионами рядом —
вот вам и радости вкупе с бедою.

Вот и гортензия – стало мечтою
укоренить возле дома южанку,
только напрасно стараться не стоит,
не зацветала в тени иностранка.

Что там, казалось бы, листья да стебель,
не говорят черенки и не плачут,
лишь после ссор опускаются в небыль,
люди уходят, с цветами иначе.

Но по весне, как пригреет лучисто,
первые всходы дают на поляне
желтые словно цыплята – нарциссы —
руки сестры, на ушко пожелания...

Из чужого сада

Твой цветок из солнечного сада
у меня никак не мог прижиться —
то теплу и свету вдруг преграда,
то бедна питанием земляца.

Все-таки обильно поливала,
ведрами, и лейками, да и вволю.
У твоей гортензии цветов так много стало,
у моей лишь листья будут, что-ли...

Может, их морозом прихватило?
Вижу, стебли новые бушуют
Неужели им достанет силы
в купину цветов пойти большую?

И пускай мое утихнет горе,
где-то в глубине мерцая свечкой
только не забудется история,
как сидели рядом на крылечке.

Нынче лето было очень жарким
и охпка стеблей в пене белой!
Вспышками соцветий – сочно, ярко,
чудо, все само собою сделалось.

Ландыши цветут незряче сами,
а с гортензией сплошная неждача...
Только ты за дальними лесами
так и не увидишь нашу дачу.

Хочу тюльпанов здесь

Хочу тюльпанов здесь, от розы вдоль дорожки
как костерков среди нарциссов белых,
они дождутся, что сойдешь с порожка
оглядываясь – что еще поделать.

Душа моя, им вовсе не дождаться
пока гряда оттаяет от заносов,
твоих умелых рук и пальцев,
плетущих мягко травы, сказы, косы.

Есть слово никогда. Его глотая
как завязь яблока, как ранящую льдинку
никак уснуть не можешь, звук летает
и тонкий шелест от запиленной пластинки.

Чудная, чуждая

Ночью приду и сию без огня,
заново дом в темноте узнавая.
Некому больше утешить меня —
где же сестренка моя боевая?

Кажется, выпили горе до дна
сироты грешные, сестры навеки,
шелковы платья, в которых видна
и нищета, и тщета человека.

Все потеряли, но знали — вдали
ждут и одна, и другая,
в ночи безлунные спать не могли,
помнили, прошлое оберегая.

Как же теперь — ни объятий, ни слов —
столько еще не сказали,
только кружение бедных голов
в ярком аду на вокзале.

Нет, погоди, не читай приговор,
сердце стучит — мы пока еще живы.
Выйдем в дождем затопляемый двор
шумно вздохнем — как красиво.

Ночью приду и сию у окна,
всею душой изнывая.

Молча, гордясь, уходила она
чудная, чуждая и боевая.

Однажды в июне

Однажды в июне, в чужом изобильном краю
кусты, не кусты, не цветочные листья,
на ягодной ветке – название не узнаю —
горсть черных агатов, прохладных и мглистых.
На что же похож их сверкающий каплями ряд!
И тайные клады с агатом не могут сравниться.
Клевать их должны бы не стар, и не млад,
С атласною рябью, с цветным оперением птицы.
Не сразу, но саженьцы стала упрямо искать,
Твердя – только жимолость ягодой схожа! —
На гряды вносила земли, перегной, песка,
Вовсю удобряя растениям скудное ложе.
С затеей не вышло. Мелькали и годы, и дни —
Не видно на ветках тех ягоокугольно-нежных —
Ошибка торговца, моя ли, а только одни
Стоят сорняки, торжествуя стеной безмятежной.

Несчетно гремел в небесах

Несчетно гремел в небесах грозовой барабан,
И пали на землю тугие ледяные потоки,
Но облачный занавес таял, и небо сияло глубоко,
Впивали от солнца цветы и дышали хлеба.

В тарелках и чашках сверкая, стояла вода,
Десерты искрились в прозрачных хрустящих

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.